

Мария Плотникова
История о серебряном стакане...

Уже давно нет в живых всех свидетелей этой истории. Но можно ли поставить в ней точку, пока остались хоть какие-то воспоминания и документальные свидетельства о том печальном времени, именуемом в России репрессией местной власти и государства против своего народа.

Одним из многочисленных страдальцев, коих не миновала сия участь, стал и мой дед, Матвиец Захарий Иванович, вместе со своей женой, моей безмерно любимой бабушкой Пелагеей Осиповной, и их детьми: Катюшей – моей мамой, Ольгой и Василием.

Вся эта история понемногу накапливалась в моей памяти еще с детства по достаточно скудным рассказам бабушки (потому как о таких жизненных коллизиях принято было молчать) и воспоминаниям моей мамы, которые, чем старше она становилась, все более и более походили на легенду.

Единственным достоверным источником, приоткрывшим завесу этих легенд и недосказанностей, стало архивное дело о раскулачивании и высылке на спецпоселение моего деда и всей его семьи.

Начинаю перелистывать страницы этой истории, представляющейся сегодня мне уже с наименьшим количеством «белых» пятен и достаточно целостной.

Май 1916 года. Молодой Захарий Матвиец призван на военную службу на фронт империалистической войны. В феврале 1917 года военная судьба забрасывает его в Петроград, где он становится участником февральской революции. И здесь происходит его первое большое несчастье. Во время военных действий он падает с лошади (видимо, служил в кавалерии) и ломает три ребра. Несколько месяцев лечения в Петроградском военном госпитале – и в июне 1917 года двадцатилетний инвалид империалистической войны возвращается в свою родную д. Максимовку, что в Борисовской волости Омской губернии. И здесь несчастья молодого Захария продолжают.

От избы, из которой он ушел на военную службу, осталось одно пепелище. Старик-отец, 84-х лет, и слепая больная мать скитаются по соседям без угла и приюта. Все надежды и чаяния они возлагают на своего младшенького Захария. Кое-как залатав оставшийся несгоревшим сарай, они перебираются в него и начинают потихоньку жить и обзаводиться хозяйством. Сюда же вскорости Захарий приводит и молодую жену-Пелагею из соседней деревни Ларги, жившую там в батрачках в зажиточной семье. Кто же еще

согласится выйти замуж за такого бедняка? А старики-родители нуждаются еще в уходе, да и сам Захарий не блещет здоровьем.

«До 1923 года меня по имени никто не звал – такой я был бедняк и кругом судьбой обижен, - читаю я в архивном деле. – Но я старался доказать зажиточной публике, что и бедняк сможет все пережить».

Пришла Пелагея в халупку Захария с узелком да двумя чутунками – вот и все приданое ее – и стало светлее от молодой хозяйки, сноровистой, все умеющей и по хозяйству, и сготовить, и стариков обиходить. Где горе ходит, а где и счастье – молодые, хоть бедные, но жизни умеют радоваться. Через год появляется в семье их первенец, Катенька. Жизнь понемногу начинает налаживаться.

В 1921 году происходит событие, оставившее свой след на всей истории нашего рода. Захарий с Пелагеей берут на воспитание четверых детей, оставшихся сиротами после погибшего в империалистическую войну старшего брата Ивана и умершей вскорости от болезни его жены. Местная власть официально назначает Захария Матвийца опекуном над сиротами и хранителем их имущества.

В 1923 году отстраивает, наконец, Захарий большой дом, чтоб всем места хватило. В горнице – длинный стол, как усядется вся шумная семья – любо-дорого смотреть: мал-мала-меньше. Стали жить общим хозяйством: и надел земельный на сирот увеличили, и кой-какое их сельхозимущество подспорьем служило, да и свой инвентарь появился уже – лобогрейка, плуги, борона. Работников вот только на земле этой – Захарий-инвалид да старшие из сирот: Семен да Дмитрий. Но землю засевали вовремя, да и урожай собирали, налоги все государству исправно платили. Тем временем и коровенки в хозяйстве появились. Семья разрасталась: у Захария с Пелагеей родились Ольга, а вскорости и Василий.

В 1924 году избирают Захария председателем сельского совета, как человека справедливого, честного, стоящего за советскую власть горой. И начинается новая страница в истории его многострадальной жизни. Пересекаются в это время его пути с неким У., уполномоченным волостного комитета, человеком пришлым и уж очень «вольнолюбивым». Не одну сельскую молодницу одарил он своей лаской, не раз его видели в компаниях в состоянии хорошего «навеселе». Как человек принципиальный и порядочный, Захарий увещевал У. и его дружок: «Держите себя в рамках, ведите себя как подобает представителям советской власти». Не знал Захарий, как эти его замечания аукнутся ему через несколько лет.

А жизнь тем временем текла своим чередом, свои дети подрастали, дети-сироты учились, старший, Семен, окончил уже

курсы счетоводов и работал здесь же в Максимовке. По состоянию здоровья Захарий уже не мог работать. Он обращается в районный отдел соцобеспечения с просьбой о выделении ему, как инвалиду II группы, пенсии и получает отказ ввиду того, что имущественное положение его семьи не позволяет этого сделать. А общее имущество семьи Захария и детей-сирот в самом деле по тем меркам тянет на «крепкого середняка». Да ведь никто не разбирается, что работоспособных в этой большой общей семье – 1-2 человека. Дальше – больше. В 1928 году Семен, женившись, отделяется из семьи Захария, забрав двух своих братьев и сестру. Захарий честно отделяет и все их имущество, сохраненное и нажитое, надел земли, несколько лошадей, корову.

А в 1929 году семье Захария Матвийца выставляют долг за якобы невыплаченный сельхозналог, и, не разбираясь по- существу, приписывают ему уменьшение земельного надела и сельхозимущества специально, с целью вредительства. Более того, приписывают Захарии использование четырех безвыходных батраков в течение восьми лет, то есть все время проживания детей-сирот в его семье.

И начинается многостраничная переписка Захария Ивановича Матвийца с различными органами власти с целью доказать свою невиновность, убедить, что не батраки, а дети погибшего брата все эти годы жили в его семье. И одну цель он видел перед собой: выучить этих детей и воспитать достойно, по-советски. А налог уменьшился потому, что отделились эти дети вместе со своим имуществом и землей.

Но в молодой советской стране уже вовсю ведется борьба с «кулачеством», с «врагами народа». И все дедовы «заявления-просьбы» возвращаются обратно на рассмотрение в Максимовский сельсовет. А здесь – все тот же уполномоченный У., теперь уже председатель сельсовета, глубоко затаивший обиду на Захария.

В конце 1929 г. Захария Ивановича и его жену Пелагею Осиповну лишают избирательных прав и выселяют из дома, с таким трудом строившегося и давшего приют и своим уже четверым детям, и четверым детям-сиротам. Местные власти за недоимку сельхозналога распродают все их имущество, оставив все-таки многострадальный дом за семьей Матвиец.

Захарий Иванович не перестает писать, взывать к справедливости, доказывать, что это не более чем сведение личных счетов У. и подтасовка документов. 18 апреля 1930 г. сельский комитет бедноты восстанавливает их с женой в правах. Они вступают в сельхозкоммуны им. Ленина, что образовалась в Максимовке, и честно работают. Но в апреле 1931 года Захария с

женой вновь лишают избирательных прав. Дети-сироты были уже комсомольцами и пытались защитить дядю Захария, но им сказали: будете хлопотать - исключим из комсомола. И они отступили.

Так было несколько раз: сельский комитет бедноты неизменно восстанавливал Матвиеца З. И. с женой в правах, а в волисполком У. направлял другие документы, доказывающие, что Матвиец З. И. – кулак и эксплуататор батраков.

И вот 13 мая 1931 года решением сельского совета, выполняя постановление партии по раскулачиванию и выселению, семью Матвиец «за эксплуатацию батраков в целях извлечения прибыли и доходности нетрудового характера» отправляют в ссылку. Сгрузив на подводу нехитрый скарб, со слезами и воем, семья Матвиец с еще несколькими такими же семьями-страдальцами покидает родную Максимовку. Их везут пока только в Омск, а отсюда, с сотнями таких же несчастных, грузят на баржи и отправляют в долгий путь по рекам до Васюгана Нарымского края.

Мама, а ей было тогда уже 12 лет, вспоминала: «На барже загнали нас всех в трюмы, а мы, дети, вылезли на палубу и смотрели, как по реке плыли ванны, тазы, кастрюли, подушки и другая домашняя утварь. Все у людей забирали и сбрасывали в Иртыш. Везли долго: по Иртышу, Оби, Васюгану, а затем потянули баржу по небольшой реке – притоку Васюгана. В дороге многие люди не выдерживали и умирали, ведь везли и стариков, и малых детей, и больных, и немощных. Мертвых не хоронили, а зашивали в ткань, и когда баржу причаливали к берегу, мешки с мертвыми телами выбрасывали на берег, некоторых затыгивала река. Так и оставались они, без холмика, без креста и надписи, кто есть кто. У нас умерла младшая сестренка, Рая, отцу удалось спрятать ее тельце, и, когда в очередной раз баржа причалила к какому-то селению, он выскочил на берег и передал тельце ребенка первой попавшейся на берегу женщине. Уплатив чем-то ей, он уговорил похоронить девочку по-людски. Причалив в очередной раз где-то к высокому берегу, нас стали высаживать в тайгу. Лес был непролазный, комарье и мошки заедали насмерть».

Так начинается очередная и последняя страница многострадальной жизни моего деда Захария. Долгий путь вконец подорвал его здоровье. Но с ним жена, трое детей, старшей Катюше – 12, Оле – 6, а младшенькому Васятке – 4 года. Кое-как общими усилиями роют землянки. Кому-то удалось провести топор, пилу – расчищают территорию под поселок, а дальше – и под огород.

Захарий все еще не теряет надежду на справедливость, верит, что партия и советская власть разберутся в недозволенности действий У. и семье разрешат вернуться из ссылки. Он пишет в исполком

Восточно-Сибирского края и подробно описывает всю ошибочность принятых к нему мер. Как и всегда, его послание отправляется в родную Максимовку и оттуда приходит ответ: «В ходатайстве – отказать».

В поселке ссыльных жизнь текла своим чередом: так уж устроен человек, всеми силами и до последнего он борется за свою жизнь и за жизнь своих детей. Многие умирали с голоду, в поисках пищи (ягод, грибов, черемши) уходили в тайгу и, заблудившись, погибали. Да и медведи задирали часто. В поселке повесили лемех от старого плуга и постоянно били по нему железом, чтобы на звук могли выйти из тайги люди.

К зиме, кто выжил, в землянках соорудили печки: зима в тайге суровая. Стали давать паек. На человека понемногу соли, муки, хлеба. Мама вспоминала: «Мать разрежет хлеб на кусочки, а мы все крошечки потом соберем и оближем то место, где хлеб лежал».

Захарий Иванович, а было ему в ту лихую пору всего-то 34 года, все больше и больше слабел. Как-то уже глубоко по осени попросил Катюшу: «Сходи, доченька, в деревню, обменяй что-нибудь из вещей на картошку». Деревня была на другом берегу реки в 5-7 километрах от поселения. Сбегала Катя туда, выменяла что-то, принесла отцу 3 картофелины. С радостью он принял эту картошку и попросил сварить ему суп... Это было последним желанием в его жизни. К утру он умер. Бабушка строго-настрога запретила и себе, и детям кричать и хоть кому-то говорить об этом, потому что на следующий день давали паек, а на мертвых он не полагался. Мама потом вспоминала: «Мать ушла получать пайки, а мы залезли на печь – так было жутко – и выглядывали оттуда, а папаша мертвый на лавке лежал». Ну а уж как пришла Пелагея с пайками – так скрывать уже нечего: отпустила себя, дала волю слезам, наголосилась вместе с детьми до хрипоты.

И началась теперь уже и у этих детей горькая сиротская жизнь. Бабушку выручал ее опыт работы в батрачках. Всякие были ссыльные – и из богатых много было. Кому состряпает, кому уберет, кому постирает – глядишь, и хлеба дадут да и еще чего-нибудь. Так появился в семье, а потом уже через долгие годы перешел и ко мне по наследству старинный серебряный стакан. Оттуда он, из Васюганского лихолетья. И детям моим он перейдет все с тем же рассказом о деде, которого я никогда не видела, и о его тяжелой жизни.

Как-то после смерти деда зашел в землянку комендант и попросил у бабушки документы Захария. Просмотрел их все, покачал головой и только сказал: «Такого человека загубили»!

За старшую теперь осталась Катюша Матвиец. В поселке построили школу. Младшие пошли учиться, а Катя заканчивала здесь седьмой класс. Нужно было жить, помогать матери поднимать детей, и Катя уезжает в районное село Айполово сначала воспитательницей в детский дом, а затем и учительницей в школу: грамотная была она, рассудительная, не по годам взрослая. В 1938 году поступает Катюша заочно учиться в педучилище, а закончив его, сразу же сдает экзамены в пединститут на исторический факультет. Прочитавшись месяца три, вызывают в деканат: «Мы исключаем вас из института. Кроме истории вы должны будете преподавать и Конституцию СССР. А вы на это не имеете права – вы дочь политссыльного». На этом и закончились все ее университеты.

Но жизнь и молодость брала свое: Катюша вступила в комсомол, была очень энергичной, честной, справедливой. «Вся в отца», - говорила ей мать. И, конечно же, она понимала, что с ними родное государство поступило жестоко и несправедливо. И вот решила Екатерина Захаровна Матвиец, учительница, спецпоселенка, написать всю свою историю не кому-нибудь, а в Верховный Совет СССР, лично Всероссийскому старосте М. И. Калинин. Посоветовалась с директором: можно ли послать? Тот ответил: «Посылайте, только не отсюда, здесь не пропустят». Ехала знакомая учительница в Днепропетровск и увезла письмо. Через полгода вызывают Катюшу в комендатуру. Сердце обмерло, а потом решила: что будет, то будет.

- Вы писали М. И. Калинин? – спрашивают.

- Да, писала, - отвечаю.

- Вам пришел ответ: «Восстановить в институте и семье разрешить выезд, куда они пожелают».

Но вскоре началась Великая Отечественная война и Катюша с матерью и братом Василием остаются на спецпоселении еще на 4 года – Олю удалось со знакомыми отправить в Максимовку к родственникам. Только после войны все они выехали из ставшего уже почти родным (за 15-то лет!) Нарымского края, оставив здесь родные могилки умершей в малолетстве Раи и Захария Ивановича, так и не дожившего до светлого дня торжества справедливости, которой он добивался всю свою жизнь.

Я родилась через 10 лет после маминого возвращения из ссылки. Но рассказы о тех тяжелых годах помню с раннего детства. Запомнился эпизод из воспоминаний мамы. Жили они по сиротству и нищете своей очень бедно, ни поесть, ни одеть нечего. Бабушка обрезала рукава у фуфайки и сшила бурки. А носить их не с чем. Как-то утром проснулись, а у двери стоят новые галоши. Кто был тот добрый человек, так никто и не узнал. Но в воспоминаниях об

этом осталось самое теплое чувство. И вообще с очень многими людьми, добрыми, отзывчивыми, готовыми всегда помочь, свела бабушку с детьми жизнь на спецпоселении. С детства помню семьи Казыдуб, Драчук, Зыковых, к которым мы ездили в гости, останавливались по несколько дней, приезжая в Омск, они часто писали письма и навещали нас. По детскому своему разумению думала, что это наши близкие родственники. Став взрослее, поняла, - нет, это друзья, разделившие вместе беду и горе, голод и лихолетье, объединившее их и сделавшее родными.

А уж семью дяди Семена Матвийца, старшего из приемных сирот, всегда считала родной. Видела, с каким теплом он и вся его семья относилась к бабушке. Как искренне он со своей женой, тетей Феней, принимали нас у себя в гости, какими вкусностями всегда кормила нас изобретательная тетя Феня. Добро, сделанное однажды, не забывается никогда. А сердце человеческое не черствеет от предательства и жестокости.

Ведь не окаменело сердце моей мамы, Екатерины Захаровны Матвиец-Плотниковой от того, что однажды государство и власть отвергли ее отца, а вместе с ним и ее, 12-летнюю, и сделали все возможное, чтобы нашли они смерть свою в той забытой Богом глухой тайге. Так нет же – выдюжили. И еще более сорока лет работала мама в школе, учила детей отвергшего ее государства добру и справедливости, разуму и мудрости: не держать зла, прощать обиды, не становиться жестокими.

Уже давно нет в живых свидетелей этой жизненной драмы. Но можно ли поставить в ней точку, пока хоть какие-то воспоминания о ней остались в моей памяти, памяти близких мне двоюродных сестер и братьев – детей Ольги и Василия, в памяти наших детей, внуков Захария и Пелагеи. Надеюсь, нам удастся донести до них эту историю, ничего не расплескав из «серебряного стакана памяти».